

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Серия «Лучшие книги братьев Стругацких»

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Художник *Е. Ферез*

Стругацкий, Аркадий Натанович.

С87 Волны гасят ветер : [фантастический роман] / Аркадий и Борис Стругацкие. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Лучшие книги братьев Стругацких).

ISBN 978-5-17-120078-7

Роман, завершающий знаменитую трилогию братьев Стругацких о Максиме Каммерере. Произведение увлекательное — и в то же время тонко философское, многогранное и талантливое. Завершилась эпоха «Обитаемого острова». Закончилась странная и трагическая история «Жука в муравейнике». Наступили времена новых вопросов и новых загадок — времена, когда «Волны гасят ветер»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120078-7

© А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2020

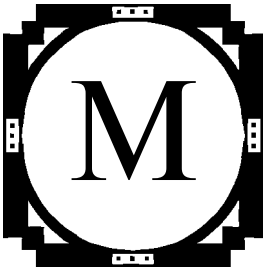
ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР

Понять — значит упростить.

Д. Строгов

ВВЕДЕНИЕ

еня зовут Максим Каммерер. Мне восемьдесят девять лет.

Когда-то давным-давно я прочитал старинную повесть, которая начиналась таким вот манером. Помнится, я подумал тогда, что если придется мне в будущем писать мемуар, то начну я его именно так. Впрочем, предлагаемый текст нельзя, строго говоря, считать мемуаром, а начать его следовало бы с одного письма, которое я получил примерно год назад.

Каммерер,

Вы, разумеется, прочли пресловутые «Пять биографий века». Прошу Вас, помогите мне установить, кто именно скрывается под псевдонимами П. Сорока и Э. Браун. Полагаю, Вам это будет легче, чем мне.

М. Глумова

13 июня 225 года. Новгород

Я не ответил на это письмо, потому что мне не удалось выяснить настоящие имена авторов «Пяти биографий века». Я установил только, что, как и следовало ожидать, П. Сорока и Э. Браун являются видными сотрудниками группы «Людены» Института исследования космической истории (ИИКИ).

Я без труда представлял себе чувства, которые испытывала Майя Тойвовна Глумова, читая биографию своего сына в изложении П. Сороки и Э. Брауна. И я понял, что обязан высказаться.

Я написал этот мемуар.

С точки зрения непредубежденного, а в особенности — молодого читателя, речь в нем пойдет о событиях, которые положили конец целой эпохе в космическом самосознании человечества и, как сначала казалось, открыли совершенно новые перспективы, рассматривавшиеся ранее только теоретически. Я был свидетелем, участником, а в каком-то смысле даже и инициатором этих событий, и поэтому неудивительно, что группа «Людены» на протяжении последних лет бомбардирует меня соответствующими запросами, официальными и неофициальными просьбами споспешествовать и напоминаниями о гражданском долге. Я изначально относился к целям и задачам группы «Людены» с пониманием и сочувствием, но никогда не скрывал от них своего скептицизма относительно их шансов на успех. Кроме того, мне было совершенно ясно, что материалы и сведения, которыми располагаю лично я, никакой пользы группе «Людены» принести не могут, а потому до сих пор всячески уклонялся от участия в их работе.

Но вот сейчас, по причинам, носящим характер скорее личный, я испытал настоятельную потребность

все-таки собрать воедино и предложить вниманию каждого, кто пожелает этим заинтересоваться, все, что мне известно о первых днях Большого Откровения, о событиях, в сущности, явившихся причиной той бури дискуссий, опасений, волнений, несогласий, возмущений, а главное — огромного удивления — всего того, что принято называть Большим Откровением.

Я перечитал последний абзац и вынужден тут же поправить самого себя. Во-первых, я предлагаю, разумеется, далеко не все, что мне известно. Некоторые материалы носят слишком специальный характер, чтобы их здесь излагать. Некоторые имена я не назову по причинам чисто этического порядка. Воздержусь я и от упоминания некоторых специфических методов тогдашней своей деятельности в качестве руководителя отдела Чрезвычайных Происшествий (ЧП) Комиссии по Контролю (КОМКО-На-2).

Во-вторых, события 99 года были, строго говоря, не первыми днями Большого Откровения, а, напротив, последними его днями. Именно поэтому оно (Большое Откровение) осталось ныне лишь предметом чисто исторических исследований. Но именно этого, как мне кажется, не понимают, а вернее — не желают принять сотрудники группы «Людены», несмотря на все мои старания быть убедительным. Впрочем, возможно, я не был достаточно настойчив. Годы уже не те.

Личность Тойво Глумова вызывает, естественно, особый, я бы сказал, специальный интерес сотрудников группы «Людены». Я их понимаю и поэтому сделал эту фигуру центральной в своем мемуаре.

Конечно, не только поэтому и не столько поэтому. По какому бы поводу я ни вспоминал о тех днях и что бы я о тех днях ни вспомнил, в памяти моей тотчас встает Тойво Глумов — я вижу его худощавое, всегда серьезное молодое лицо, вечно припущенные над серыми прозрачными глазами белые его, длинные ресницы, слышу его как бы нарочито медлительную речь, вновь ощущаю исходящий от него безмолвный, беспомощный, но неумолимый напор, словно беззвучный крик: «Ну что же ты? Почему бездействуешь? Приказывай!» И наоборот, стоит мне вспомнить его по какому-либо поводу, и тотчас же, словно их разбудили грубым пинком, просыпаются «злые псы воспоминаний» — весь ужас тех дней, все отчаяние тех дней, все бессилие тех дней — ужас, отчаяние, бессилие, которые испытывал я тогда один, потому что мне не с кем было ими поделиться.

Основу предлагаемого мемуара составляют документы. Как правило, это стандартные рапорты-доклады моих инспекторов, а также кое-какая официальная переписка, которую я привожу для того, главным образом, чтобы попытаться воспроизвести атмосферу того времени. Вообще-то придирчивый и компетентный исследователь без труда заметит, что целый ряд документов, имеющих отношение к делу, в мемуар не включен, в то время как без некоторых включенных документов можно было бы, казалось, и обойтись. Отвечая на такой упрек заранее, замечу, что материалы подбирались мною в соответствии с определенными принципами, в суть которых вдаваться у меня нет ни желания, ни особой необходимости.

Далее, значительную часть текста составляют главы-реконструкции. Эти главы написаны мною, лично, и на самом деле представляют собой реконструкцию сцен и событий, свидетелем которых я не был. Реконструирование производилось на основании рассказов, фонозаписей и позднейших воспоминаний людей, в этих сценах и событиях участвовавших, как-то: Ася, жена Тойво Глумова, его коллеги, его знакомые и т. д. Я сознаю, что ценность этих глав для сотрудников группы «Людены» невелика, но — что делать! — она велика для меня.

Наконец, я позволил себе слегка разбавить текст мемуара собственными реминисценциями, несущими информацию не столько о тогдашних событиях, сколько о тогдашнем Максиме Каммерере пятидесяти восьми лет. Поведение этого человека в изображенных обстоятельствах даже мне представляется сейчас, спустя тридцать один год, не лишенным интереса...

Принявши окончательное решение писать этот мемуар, я оказался перед вопросом: с чего мне начать? Когда и что положило начало Большому Откровению?

Строго говоря, все это началось два века назад, когда в недрах Марса был вдруг обнаружен пустой тоннельный город из янтарина: тогда впервые было произнесено слово «Странники». Это верно. Но слишком общо. С тем же успехом можно было бы сказать, что Большое Откровение началось в момент Большого Взрыва.

Тогда, может быть, пятьдесят лет назад? Дело «подкидышей»? Когда впервые проблема Странников приобрела трагический привкус, когда родился

и пошел гулять из уст в уста ядовитый термин-упрек «синдром Сикорски»? Комплекс неуправляемого страха перед возможным вторжением Странников? Тоже верно. И гораздо ближе к делу... Но я тогда еще не был начальником отдела ЧП, да и самого отдела ЧП тогда еще не существовало. Да и пишу я не историю проблемы Странников.

А началось это для меня в мае 93-го, когда я, как и все начальники отделов ЧП всех секторов КОМ-КОНа-2, получил информат о происшествии на Тиссе (не на реке Тиссе, что мирно протекает по Венгрии и Закарпатыю, а на планете Тиссе у звезды ЕН 63061, незадолго до того обнаруженной ребятами из ГСП). Информат трактовал происшествие как случай внезапного и необъяснимого помешательства всех трех членов исследовательской партии, высадившейся на плато (забыл название) за две недели до того. Всем троим вдруг почудилось, будто связь с центральной базой утрачена и вообще утрачена связь с кем бы то ни было, кроме орбитального корабля-матки, а с корабля-матки автомат ведет непрерывно повторяющееся сообщение о том, что Земля погибла в результате некоего космического катаклизма, а все население Периферии вымерло от каких-то необъяснимых эпидемий.

Я уже не помню всех деталей. Двое из партии, кажется, пытались убить себя и в конце концов ушли в пустыню — в отчаянии от безнадежности и абсолютной бесперспективности дальнейшего существования. Командир же партии оказался человеком твердым. Он стиснул зубы и заставил себя жить — как если бы не погибло Человечество, а просто сам

он попал в аварию и отрезан навсегда от родной планеты. Впоследствии он рассказал, что на четырнадцатый день этого его безумного бытия к нему явился некто в белом и объявил, что он, командир, с честью прошел первый тур испытаний и принят кандидатом в сообщество Странников. На пятнадцатый день с корабля-матки прибыл аварийный бот, и атмосфера разрядилась. Ушедших в пустыню благополучно нашли, все остались в здравом уме, никто не пострадал. Их свидетельства совпадали даже в мелочах. Например, они совершенно одинаково воспроизводили акцент автомата, якобы передававшего роковое сообщение. Субъективно же они воспринимали происшедшее как некую яркую, необычайно достоверную театральную постановку, участниками которой они неожиданно и помимо своей воли оказались. Глубокое ментоскопирование подтвердило это их субъективное ощущение и даже показало, что в самой глубине подсознания никто из них не сомневался, что все это лишь театральное действие.

Насколько я знаю, мои коллеги в других секторах восприняли этот информат как довольно рядовое ЧП, необъясненное Чрезвычайное Происшествие, какие происходят на Периферии сплошь да рядом. Все живы и здоровы. Дальнейшая работа в районе ЧП необязательна, она и изначально не была обязательной. Желающих раскручивать загадку нет. Район ЧП эвакуирован. ЧП принято к сведению. В архив.

Но я-то был выучеником покойного Сикорски! Пока он был жив, я часто спорил с ним — и мысленно, и в

открытую, — когда речь заходила об угрозе человечеству извне. Но один его тезис мне было трудно оспаривать, да и не хотел я его оспаривать: «Мы — работники КОМКОНа-2. Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценить опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах». И едва я услышал, что некто в белом вещает от имени Странников, я ощутил запах серы и встрепенулся, как старый боевой конь при звуках трубы.

Я сделал соответствующие запросы по соответствующим каналам. Без особого удивления я обнаружил, что в лексиконе инструкций, распоряжений и перспективных планов нашего КОМКОНа-2 слово «Странник» вообще отсутствует. Я побывал на приемах в самых высших инстанциях наших и уже вовсе без всякого удивления убедился, что в глазах наиболее ответственных наших руководителей проблема прогрессорской деятельности Странников в системе человечества как бы снята, пережита, как детская болезнь. Трагедия Льва Абалкина и Рудольфа Сикорски каким-то необъяснимым образом словно бы навсегда очистила Странников от подозрений.

Единственным человеком, у которого моя тревога вызвала некий проблеск сочувствия, оказался Атос-Сидоров, президент моего сектора и мой непосредственный начальник. Он своей властью утвердил и

своей подписью скрепил предложенную мной тему «Визит старой дамы». Он разрешил мне организовать специальную группу для разработки этой темы. Собственно говоря, он дал мне карт-бланш в этом вопросе.

И начал я с того, что организовал экспертный опрос ряда наиболее компетентных специалистов по ксеносоциологии. Я задался целью создать модель (наиболее вероятную) прогрессорской деятельности Странников в системе земного человечества. Чтобы не вдаваться в подробности: все собранные материалы я послал известному историку науки и эрудиту Айзеку Бромбергу. Сейчас даже и не помню, зачем я это сделал, ведь к тому моменту Бромберг уже много лет не занимался ксенологией. Должно быть, дело в том, что большинство специалистов, к которым я обращался с этими своими вопросами, просто отказывались разговаривать со мной серьезно (синдром Сикорски!), а у Бромберга, как всем известно, «всегда была в запасе пара слов», о чем бы ни заходила речь.

Так или иначе, доктор А. Бромберг прислал мне свой ответ, известный ныне специалистам как «Меморандум Бромберга».

С него все и началось.

С него начну и я.

Конец введения.

.....